

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 323.22(470.62/.67):316

С.Р. Хайкин, Н.П. Попов

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (ЧАСТЬ I)

ХАЙКИН Сергей Романович — директор Института социального маркетинга (Инсомар), профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. E-mail: s.khaikin@gmail.com;

ПОПОВ Николай Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. E-mail: popovnpkm@mail.ru.

Опираясь на опросы общественного мнения в республиках Северного Кавказа, авторы показывают, что в регионе нарастает недовольство населения. Наряду с общими для всей России проблемами каждая территория и народ имеют свою актуальную повестку для возмущения. Именно эти специфические темы являются катализатором протестной активности. Волна солидарности с московскими протестами к лету 2012 г. докатилась до Северного Кавказа. Хотя лозунги и лидеры столичных митингов не близки большинству населения региона, сама возможность публично выразить свои чувства оказалась созвучна потребностям населения. Можно предположить в обозримом будущем рост протестной активности на Северном Кавказе. Авторы полагают, что «купить» лояльность населения, снизить протестный потенциал только политехнологическими методами или даже репрессиями не удастся. Необходима политическая воля, чтобы решать проблемы, которые волнуют население.

Ключевые слова: Северный Кавказ, протестные настроения, протестный потенциал, сепаратизм, эффективность деятельности государства.

Протестные настроения — это состояние общественного сознания, недовольство, которое возникает в ситуации реальной или мнимой невозможности удовлетворения доминирующих потребностей и интересов социальных общностей. Протестные настроения являются одной из форм выражения общественных настроений и интегрируют как эмоциональную, так и рациональную, ценностную сторону восприятия действительности. Будучи явлением массового сознания, протестные настроения за счет своего эмоционально-чувственного компонента способны объединить и увлечь различающиеся по интересам, ценностям и общественному положению социальные слои.

© Хайкин С.Р., Попов Н.П., 2012

Протестные настроения вызываются как текущими впечатлениями, так и представлениями о прошлом и желаемом будущем. Они устойчивы, так как обладают исторической памятью, способностью аккумулировать «социальную энергию» и сохранять инерционный потенциал. Вместе с тем протестные настроения достаточно подвижны, имеют определенные временные рамки, связанные с периодом действия и значимостью факторов, вызывающих негативный настрой. Протестные настроения — это не просто неудовлетворенность, а осознанное недовольство, которое ищет выход, каналы выражения и формы разрядки. Именно поэтому протестные настроения являются побудительным стимулом к действию, наполняя его не только рациональными, но и яркими эмоциональными, чувственными компонентами.

Протестные настроения должны стать предметом серьезного анализа, если мы действительно хотим оценить протестный потенциал и описать возможные сценарии протестного поведения. Актуальность проблемы на Северном Кавказе особенно велика.

Кажется, что наличие протестных настроений на Северном Кавказе не нуждается в доказательствах. Несмотря на победные реляции, в республиках сохраняется террористическое подполье. По словам генпрокурора РФ Ю. Чайки, в 2011 г. в регионе совершено 576 преступлений террористического характера и 15 терактов [3]. За 2011 г. только в Дагестане по официальным данным убиты 204 боевика, 187 ранены. Произошло не менее 169 вооруженных столкновений. По подсчетам правозащитного центра «Мемориал», потери сотрудников правоохранительных органов за 2011 г. составили убитыми 171 и ранеными 327 человек [4, с. 16]. Это на треть меньше, чем в 2010 г., но достаточно много, чтобы давать основания говорить о крайних формах выражения протестной активности в регионе. Вместе с тем другие формы выражения недовольства (митинги, пикеты, марши, бойкоты, коллективные обращения к власти и т.д.) на Северном Кавказе фиксируются не чаще, чем в иных регионах. Значит ли это, что уровень недовольства здесь не выше, или эта обманчивая тишина, а реальное недовольство загоняется вглубь и зреет до поры, когда обернется социальным взрывом, народной войной, подобной той, что мы наблюдали в 1990-е гг. в Чеченской республике?

Очевидно, что террористическое подполье представляет собой только верхушку айсберга. Чтобы понять, что служит питательной средой для радикалов, следует рассмотреть весь спектр волнующих людей и нерешаемых проблем.

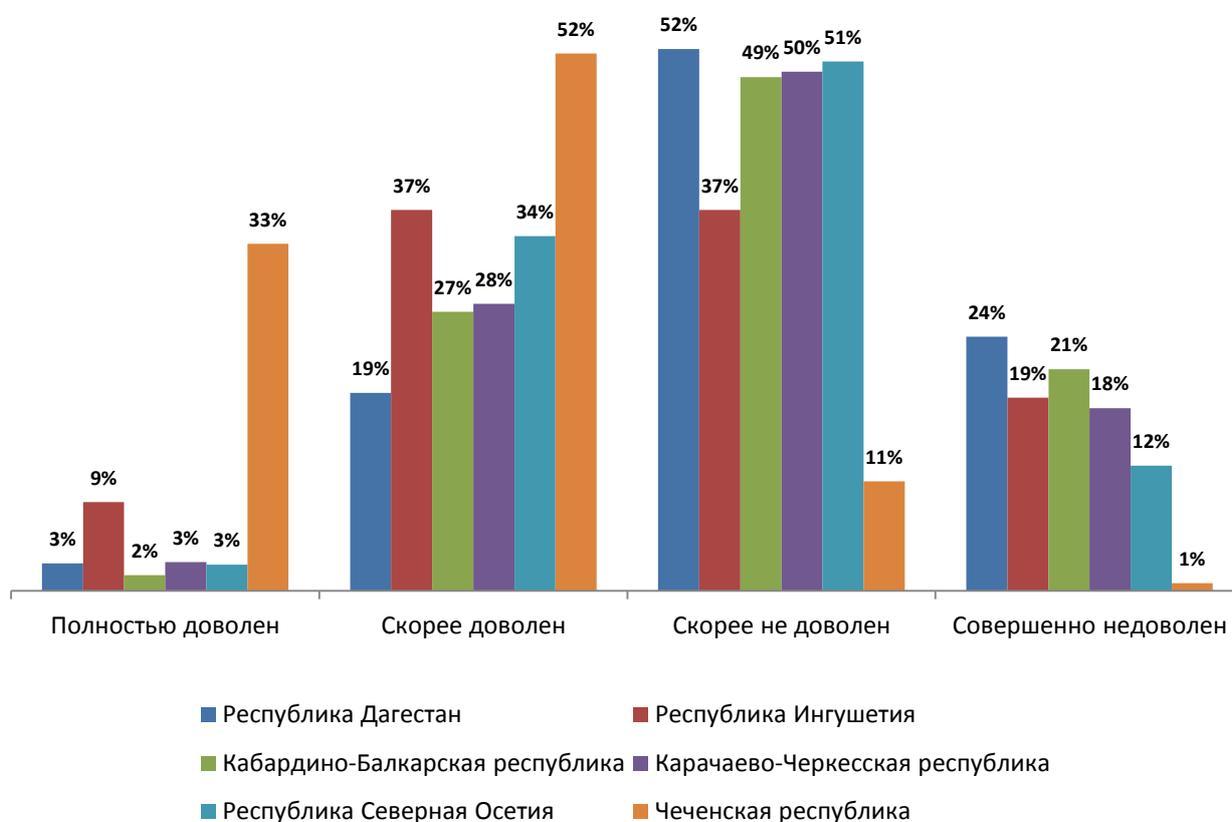
Общая оценка ситуации на Северном Кавказе

Рассмотрим, какие настроения преобладают среди населения в оценках общего положения дел в республике, правильности политического курса и ожиданий от будущего, т.е. каковы базовые настроения, на основе которых люди оценивают конкретные события и проблемы².

---

² В статье приводятся данные исследования «Общественное мнение и эффективность политики государства на Северном Кавказе», проведенного Институтом социального маркетинга в 2011 г. Руководитель проекта — С.Р. Хайкин. Опрошено 3500 респондентов, репрезентирующих население всех шести республик Северного Кавказа. При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 г. № 300–рп.

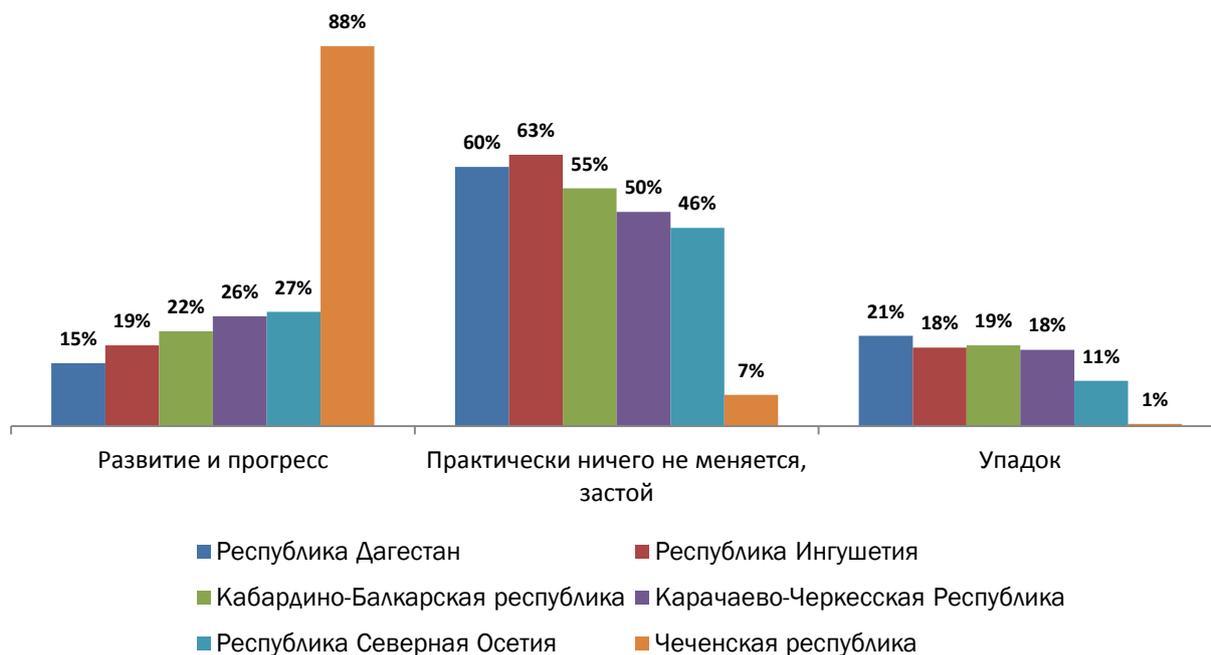
Вопрос об удовлетворенности положением дел в республике самый общий. Исследование показало преобладание негативных оценок. Отвечая на этот вопрос, 39% сообщили, что они «скорее довольны» или «полностью довольны», 60% сказали, что они «скорее недовольны» или «полностью недовольны». Наиболее негативную оценку дали жители Дагестана — 76% «совершенно недовольны» или «скорее недовольны» положением дел в своей республике. Близки к ним жители Кабардино-Балкарии — 70%, столь же негативны оценки в Карачаево-Черкесии — 68%. Чуть менее пессимистичны жители Северной Осетии — 62% и Ингушетии — 56%. Единственное исключение — оценки ситуации, данные в Чечне: 85% выразили удовлетворение положением дел в республике и лишь 12% — недовольство (см. рис. 1).

Рисунок 1 - Ответы на вопрос: «Если говорить в целом, вы довольны или недовольны положением дел в вашей республике?», %

Важно понять, неудовлетворенность положением дел — какая-то ситуативная реакция или представляет собой общее сложившееся впечатление от того, что происходит? Рассмотрим, как население воспринимает происходящее в республике: как «развитие и прогресс», «застой» или же «упадок». Как видно на рисунке 2, здесь оценки также весьма негативные: от 81% опрошенных в Дагестане до 57% в Северной Осетии утверждают, что в

республиках застой либо упадок. Единственным счастливым исключением в регионе является Чечня, где прогресс отмечается подавляющим большинством — 88%.³

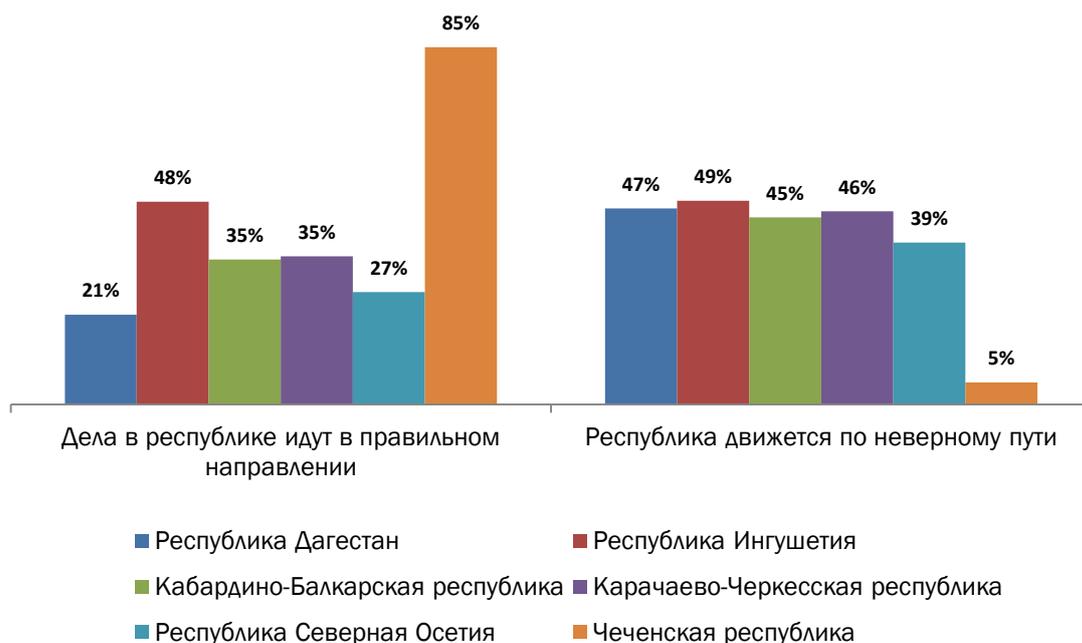

Рисунок 2 - Ответы на вопрос: «Как бы вы описали в целом, что происходит в нашей республике за последние годы?», %

В исследовании, проведенном в июле 2012 г. в Кабардино-Балкарии, мы частично использовали другую шкалу, дали два варианта реакции на отсутствие изменений: «мало, что меняется, но есть стабильность» и «практически ничего не меняется, застой». Такая индикация позволила получить более точные впечатления. В Кабардино-Балкарской республике 37% респондентов выбрали вариант «стабильность», а 32% «застой». Если год назад о развитии говорили 22%, то сейчас — 15%. В любом случае, очевидно, что у населения региона сложилось устойчивое представление об отсутствии прогресса.

Если есть ощущение неудовлетворенности ситуацией и застоя, то резонно выяснить, а вообще «туда ли мы идем?». На рисунке 3 показаны ответы на вопрос о том, «Идет республика в правильном направлении или движется по неверному пути?». Это скорее оценка, обращенная в будущее. Хотя мнение населения разделилось, очевидно, что у больших масс людей (от 39 до 47%) сложилась убежденность, что вообще выбран неверный курс. В четырех республиках — Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии — критические оценки существенно преобладают. В Ингушетии они примерно равны позитивным оценкам. И только в Чечне 85% выражают уверенность, что их республика движется в правильном направлении.

³ Оптимизм ответов чеченских респондентов у многих наблюдателей вызывает скепсис, учитывая авторитарный характер власти, сложившейся в республике, и невозможность ее публичной критики. Наши специальные наблюдения показывают, что действительно есть определенный круг тем, по которым население в массовых опросах не имеет возможность откровенно высказываться. Оценки ситуации в республике и волнующие людей проблемы не относятся к числу этих закрытых тем, поэтому в этой части данные мы считаем достоверными.

Рисунок 3 - Ответы на вопрос: «Как вы считаете, дела в республике идут сейчас в правильном направлении, или вам кажется, что республика движется по неверному пути?», %

Жители Северного Кавказа постоянно сравнивают условия жизни у себя с соседними регионами и положением дел в России в целом. И, как правило, это сравнение не в пользу республик, ситуация в России представляется более привлекательной, что и побуждает многих жителей республик переезжать в другие регионы России. Отвечая на вопрос, довольны ли они положением дел в России, в целом по региону 50% жителей выражает удовлетворение и 46% неудовлетворение.

Как бы критически ни оценивали жители республик ситуацию в России, значительное большинство (82%) не видит существования своей республики вне России – либо в форме независимого государства, либо в составе некоей отдельной федерации кавказских народов. Сепаратистские настроения больше развиты в Ингушетии и Чечне, хотя и здесь сторонников нахождения в составе России более двух третей населения (см. табл. 1).

Таблица 1 Ответы на вопрос: «Как вы думаете, наша республика сможет добиться лучших результатов в экономическом, социальном и духовном развитии, находясь в составе России, или нам лучше развиваться отдельно, создав собственное государство или федерацию кавказских народов?», %

Варианты ответов	Все республики	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
В составе России	82	85	67	89	85	98	68
Самостоятельное	7	2	17	3	6	1	15
Федерация кавказских	5	3	15	4	2	1	8
Затруднились ответить	6	10	1	5	8	1	9

Примечание: здесь и в последующих таблицах ДР – Республика Дагестан, ИР – Республика Ингушетия, КБР – Кабардино-Балкарская республика, КЧР – Карачаево-Черкесская республика, СО-А – Республика Северная Осетия – Алания, ЧР – Чеченская республика.

Следует отметить, что в этих двух республиках, где около четверти людей выступают за существование вне России, наибольшими сторонниками самостоятельного развития являются представители разных социальных слоев. В Ингушетии за создание собственного государства в большей степени выступают люди старшей возрастной группы — старше 50 лет и лица с высшим образованием (по 23%). Сторонниками федерации кавказских народов в большей степени является молодежь — от 18 до 29 лет. В Чечне сторонников сепаратизма тоже больше среди молодежи, людей со средним специальным образованием и жителей городов. Доля сепаратистов, во всяком случае в Чечне, за последние 8 лет не изменилась. Массовые опросы не всегда могут дать понимание истинных мотивов сепаратизма. А они существенно различаются: от радикальных воззрений до вполне мирного желания сохранить свою национальную идентичность и культуру. В любом случае, сепаратизм — это проявление протестных настроений, если не действий.

Эти настроения прослеживаются и в высказываниях людей в *групповых дискуссиях*⁴.

«Я хочу, чтобы я была в составе России. Но по отношению к Чечне ни один российский закон не действует, Чечня изолирована, никакой Конституции, ничего. Если бы нормально Россия держала, все законы соблюдались, то я не против жить в этой стране. Но когда этого нет по отношению к моей республике, я не могу признавать Россию» (Чечня, младший возраст).

«Главная задача России на Кавказе — получить население российское. В государственном смысле этого слова. А мы вместо этого получаем национальные окраины, которые явно дышат против России» (Дагестан, старший возраст).

«Я так вижу, что Северный Кавказ — это заноза, болевая точка России, но решать которую Россия вообще не хочет. Совершенно нет национальной выверенной политики, которая была бы понятна населению, которая реализовывалась бы по этапам, и в движении мы бы видели определенный смысл» (Кабардино-Балкария, старший возраст).

Нерешаемые проблемы — источник протестных настроений

При весьма критической, негативной оценке ситуации в своей республике в целом население по-разному оценивает конкретные проблемы, их остроту и необходимость решения со стороны федеральных и республиканских властей. Прежде всего отметим, что оценки важности проблем, приоритетности их решения властью отличаются от общероссийских оценок, а также часто различаются между отдельными республиками Северного Кавказа.

Общим для всех республик является экономический застой как результат распада советского хозяйства — промышленности и сельского хозяйства и, как главное следствие, деградация традиционного рынка труда, массовая безработица, прежде всего мужского молодого населения. Это фиксируют результаты опроса во всех республиках. Острота других проблем варьирует от республики к республике, но безработица проходит главным стержнем в оценках населения всех республик (табл. 2).

Таблица 2 Ответы на вопрос: «Как вы считаете, какая проблема является в республике самой острой, требующей незамедлительного решения от властей?», %

⁴ Здесь и далее курсивом будут приводиться цитаты из фокус-групповых дискуссий.

Основные проблемы	Все республики	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Безработица, создание новых рабочих мест	42	40	47	46	38	38	48
Коррупция, коррупция в органах власти, в правоохранительных органах	21	33	21	21	18	8	13
Терроризм, борьба с терроризмом	15	42	3	14	0	4	3
Низкий уровень зарплат, доходов населения, рост цен	15	8	23	19	25	18	5
Неразвитость хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, дорожного строительства, науки, проблемы кадров	10	7	27	10	18	9	5
Здравоохранение	6	4	5	6	9	2	12
Образование, нехватка школ, детских учреждений	6	1	11	4	5	8	10
Низкое качество социального обеспечения, социальной защиты, низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	9	2	10	7	13	16	5
Дороговизна, недоступность жилья, низкое качество жилищно-коммунального обслуживания	8	3	13	6	18	15	4
Религиозный экстремизм	3	4	0	10	1	0	1

Проблема номер один для всех республик федерального округа – безработица. Она лидирует в списке проблем, в оценках общественного мнения в каждой республике, при этом оценки ее важности в среднем в 2 раза превышают оценки следующей проблемы – коррупции. Лишь в Дагестане беспокойство по поводу терроризма несколько превышает обеспокоенность по поводу безработицы. Оценка ситуации с безработицей по республикам показана в таблице 3.

Таблица 3 Ответы на вопрос: «Улучшилась, не изменилась или ухудшилась ситуация с безработицей?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Улучшилась	6	3	10	3	2	1	21
Не изменилась	40	38	50	34	23	34	62
Ухудшилась	51	55	35	61	72	64	15

Наверняка, данные опросов будут в определенной степени противоречить официальной статистике по безработице. Но, во-первых, местная статистика еще менее точна, чем вероятностные опросы, а во-вторых, мы фиксируем эмоциональное состояние, усталость, раздражение населения от невозможности найти работу. Уход молодежи «в лес» люди часто объясняют именно отсутствием работы.

Жители всех республик, кроме Чечни, отмечают не просто серьезность проблемы безработицы для их республики, половина опрошенных считают, что ситуация еще более ухудшилась за последние годы. Это происходит, в частности, и потому, что ни государство, ни частные предприниматели не создают новые рабочие места, притом что на рынок труда приходят все новые поколения молодежи (см. табл. 4).

Таблица 4 Оценка ситуации с созданием новых рабочих мест, %

Вариант ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Улучшилась	9	4	14	5	5	4	29
Не изменилась	44	43	57	40	22	45	56
Ухудшилась	42	47	21	52	70	46	12
Затрудняюсь ответить	5	5	8	3	4	5	3

Как видно из результатов исследования, ситуация лучше в Чечне и Ингушетии, в то время как в остальных республиках оценки крайне негативные.

Не менее важной проблемой региона является коррупция, ставшая неотъемлемой частью образа жизни на Северном Кавказе. Пронизывающая все сферы жизни бытовая коррупция, коррупция в правоохранительных органах, низовых и высших органах власти стала своего рода регулятором общественных отношений, определила для человека правила поведения.

В относительно небольших по территории и численности населения республиках Северного Кавказа, в отличие от крупных регионов России, факты коррупции в верхних эшелонах власти становятся достаточно быстро известны широкому кругу населения, питая общие представления о коррумпированности власти. Степень озабоченности проблемой существенно различается между республиками – от 33% в Дагестане до 8% в Северной Осетии.

Исследование показало широко распространенные среди населения представления о коррумпированности власти, основанные как на сведениях, полученных от друзей и знакомых, из материалов прессы, так и на массовом личном опыте попадания в коррупционную ситуацию. Большинство населения считает, что ситуация с коррупцией продолжает ухудшаться (см. табл. 5).

Таблица 5 Ответы на вопрос: «Как, по-вашему, в настоящее время уровень коррупции в республике снижается, повышается, или не меняется?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Снижается	5	3	9	7	2	6	10
Повышается	41	54	36	34	50	25	31
Не меняется	46	38	56	51	40	55	48
Затрудняюсь ответить	8	5	1	8	9	15	12

Сравнивая ситуацию с коррупцией в своей республике с общероссийской, 35% опрошенных полагают, что уровень коррупции у них выше, чем в России, 39% – что такой же, и лишь 15%, что ниже.

Как оценивает население роль власти: борется ли она с коррупцией и уже достигает результатов; борется, но в силу огромности проблемы и неумения власти, эта борьба неэффективна; или власть вообще не хочет бороться с коррупцией в силу своей коррумпированности? Мнения по этому поводу распределились следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6 Ответы на вопрос: «С вашей точки зрения, власть эффективно борется с коррупцией или неэффективно, или власть вообще не имеет такого желания?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Эффективно	7	1	11	7	5	7	17
Неэффективно	50	49	53	46	52	46	55
Не имеет желания бороться с коррупцией	34	42	36	36	36	29	19

Если оценки неэффективности власти в борьбе с коррупцией распределены достаточно равномерно между республиками, то представления о нежелании власти бороться с коррупцией распространены заметно шире в Дагестане и менее в Северной Осетии и Чечне.

О распространенности коррупции говорят не только оценки людьми ситуации в обществе в целом, но и описание их личного опыта вовлеченности в коррупционные ситуации, когда чиновники побуждали их к взяточничеству. Результаты опросов впечатляют — почти 50% респондентов сообщают, что за последние год-два им пришлось столкнуться с тем, что какой-либо чиновник просил или ожидал от них «неофициальную плату или услугу за свою работу» (см. табл. 7).

Таблица 7 Ответы на вопрос: «Сталкивались ли вы лично за последние год-два с тем, что какое-нибудь должностное лицо просило или ожидало от вас неофициальную плату или услугу за свою работу?», %

Варианты ответов	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Да	53	33	40	39	37	41
Нет	39	66	53	51	60	52
Затрудняюсь ответить	8	2	7	10	3	7

Результаты опроса показывают, что жители Дагестана чаще других говорят о своем личном опыте попадания в коррупционные ситуации, реже с этим встречались жители Ингушетии, в Чечне коррупционный опыт соответствует среднему по региону.

Не менее важно, чем оценка распространенности коррупционных ситуаций - признание людьми неизбежности давать взятки чиновникам, любым лицам, обладающим властью, полномочиями решать их проблемы. Другого пути решать свои жизненные проблемы они не видят. При этом пятая часть населения считает, что коррупция уже стала нормой жизни, и они дают взятки, не задумываясь. 50% опрошенных готовы давать взятки в зависимости от ситуации, исходя из ожидаемой эффективности — стоит ли размер запрашиваемой взятки получаемому результату. И лишь четверть жителей республик не собираются давать взятки — и, видимо, не дают — «ни при каких обстоятельствах».

Эти настроения и оценки хорошо прослеживаются и в групповых дискуссиях.

«Культура дачи взятки у нас настолько прижилась, что это будет долго выходить из нашей страны. Одним разом, одними реформами это не искоренить. Если человек знает, что ему чтобы что-то сделать, надо отстегнуть, то это даже без вопросов» (КЧР, средний возраст).

«Коррупция — это же не абстрактное явление. Это категория, которая может проявляться в разных случаях. Например, торги. Объявляет какое-то учреждение торги, как это раньше было. Теперь к этому начальнику приходит человек и говорит, дай мне этот подряд, а я тебе дам откат. Это схема, которая работает везде, не только в Дагестане» (Дагестан, эксперт).

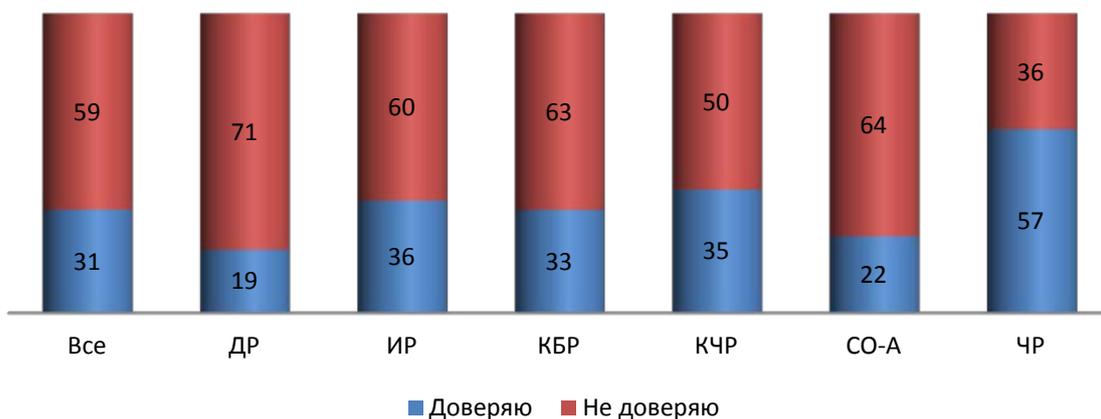
В условиях республик Северного Кавказа вспышка недовольства по поводу какой-либо острой нерешаемой проблемы нередко выливается в протестные акции по поводу другой тлеющей проблемы. Так было, например, в Махачкале 25 ноября 2011 г., когда многотысячный митинг против коррупции перерос в демонстрацию приверженцев альтернативного ислама [1].

На третьем месте по значимости, степени озабоченности населения стоит широко распространенная бедность жителей республик — низкий уровень доходов, заработной платы и связанная с этим дороговизна предметов первой необходимости, рост цен. Здесь лидируют Ингушетия и Карачаево-Черкесия, что соответствует их более низкому жизненному уровню населения.

Проблема терроризма, в среднем равная по оценкам рейтингу бедности, весьма неравнозначна для общественного мнения населения республик. Максимальный уровень зафиксирован в Дагестане — 42% назвали ее здесь самой острой (это даже выше остроты безработицы - 40%), что объясняется реальной распространенностью этой проблемы в Дагестане. В других республиках эта проблема не воспринимается как наиболее важная. 14% назвали ее самой острой в Кабардино-Балкарии, 4% — в Северной Осетии, по 3% в Ингушетии и Чечне, в Карачаево-Черкесии эта проблема вообще не попала в список самых острых.

Ощущение людьми безопасности, защищенности в своих городах, селах, в республике в целом или, напротив, беспокойство, опасение за жизнь свою и своих близких в значительной мере зависит от степени доверия правоохранительным органам — полиции, прокуратуре, судам. И общая черта общественного мнения в отношении к этим органам во всех республиках, за исключением Чечни, — это широко распространенное недоверие к правоохранительным органам, когда степень недоверия в 1,5–2 раза превышает уровень доверия. Даже в Чечне, где доверие превышает недоверие, все же около 35% жителей не доверяют правоохранительным органам.

Чаще всего людям приходится иметь дело с полицией или наблюдать ее работу. Скорее всего, от оценки ее деятельности, честности или коррумпированности зависят и оценки других органов правоохранительной системы. При общем критическом настрое общественного мнения по отношению к милиции/полиции оценки заметно различаются между республиками (см. рис. 4).

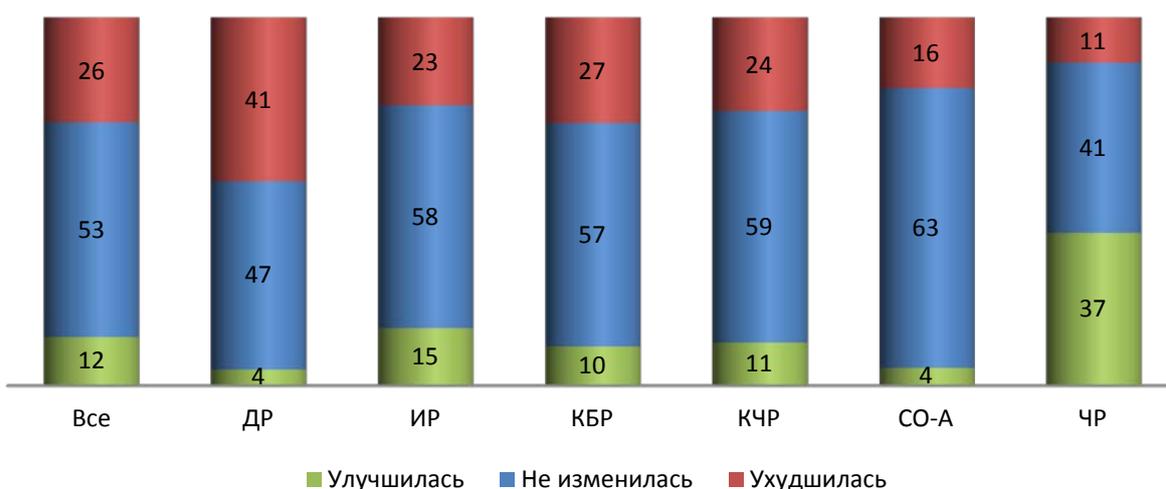

Рисунок 4 - Ответы на вопрос: «В какой степени вы доверяете или не доверяете полиции?милиции?», %

В Чечне, единственной из республик, доверие превышает недоверие к милиции/полиции. В Ингушетии милиционерам доверяют в 2 раза больше людей, чем в Дагестане. Относительно высокий уровень доверия («доверяю» и «скорее доверяю») в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии — по 30%. Самое низкое доверие в Дагестане и Северной Осетии, здесь уровень доверия в 3 раза ниже уровня недоверия.

Столь низкое доверие правоохранительным органам — ниже только доверие к «государственным служащим, чиновникам» — отражает беспокойство людей за свою безопасность, неверие, что государство ее обеспечивает.

Как отмечают участники исследования, государство не обеспечивает защиту прав и свобод граждан. При этом ситуация ухудшилась за последние два года повсеместно, кроме Чечни, а наибольшие нарушения прав и свобод граждан отмечаются в Дагестане (см. рис. 5).

Рисунок 5 - Ответы на вопрос: «За последние год-два ситуация улучшилась, не изменилась или ухудшилась в такой области, как нарушение прав и свобод граждан?», %

Не менее критичную оценку работы правоохранительных органов, низкое доверие к ним выражали и участники групповых дискуссий, и эксперты в глубинных интервью.

«Я думаю, что для нас не столько терроризм опасен, сколько опасна наша полиция доблестная, потому что очень много случаев, когда пропадают люди, когда молодых людей избивают, калечат. От того что милицию переименовали в полицию, изменений никаких» (Дагестан, старший возраст).

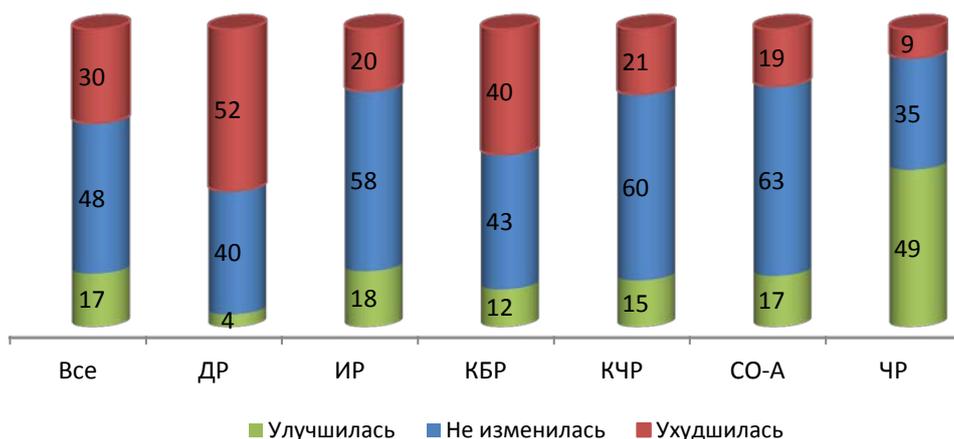
«Там, в милиции, очень много мерзавцев, очень много негодяев, часть — «отмороженные» негодяи. Это одна из причин, которая людей выталкивает в леса» (Дагестан, эксперт).

«Честных ментов, как в «Нашей Раше», у нас нет. Честный мент — мертвый мент» (СО, младший возраст).

Большая часть террористических актов направлена именно против сотрудников правоохранительных органов, полиции как мести за противоправные, насильственные действия самих правоохранителей, что встречает неявное одобрение населения.

Общественному мнению в России Северный Кавказ представляется единой «горячей зоной» с регулярными террористическими нападениями, распространением религиозного фанатизма и экстремизма, национальных конфликтов, где большинство населения не чувствует себя в безопасности. Как показало исследование, ситуация оценивается самими жителями северокавказских республик далеко не столь негативно и однозначно, и оценки проблем безопасности личности, населения в отдельных республиках сильно различаются.

Прежде всего необходимо отметить общий уровень опасности/безопасности людей в ощущениях самих жителей республик. Оценки здесь радикально различаются. В двух республиках ситуация оценивается как тревожная, безопасность людей здесь за последнее время снизилась. Это Дагестан, где 52% говорят об ухудшении ситуации с безопасностью и лишь 4% считают, что безопасность возросла, и Кабардино-Балкария, где соотношение оценок ухудшения и улучшения в сфере безопасности составило 40:12%. Уровень опасности значительно ниже и оценки безопасности и опасности близки в Карачаево-Черкесии — 21:15%, Ингушетии — 20:18% и Северной Осетии — 19:17%. Но все же и в этих трех более спокойных республиках жители отмечают некоторое снижение безопасности за последнее время. Наконец, особо выделяется Чечня, половина населения которой отмечает дальнейшее усиление безопасности и только 9% ухудшение. Данные по оценке населением безопасности в республиках представлены на рисунке 6.

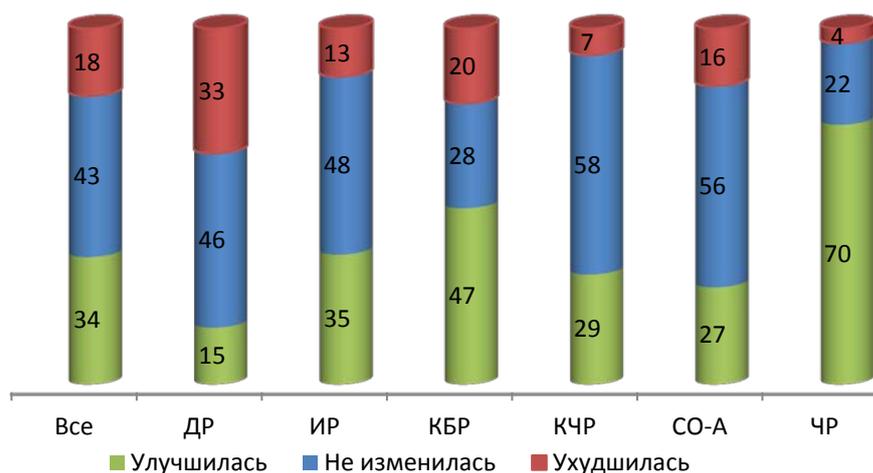
Рисунок 6 - Ответы на вопрос: «За последние год-два ситуация улучшилась, не изменилась или ухудшилась в области безопасности людей?», %

Сходно в общественном мнении оценивается ситуация с нарушением прав и свобод граждан в республиках. Значительное ухудшение ситуации отмечается в Дагестане — соотношение ухудшения и улучшения — 41:4%. Неблагополучно положение и в других республиках: в Северной Осетии соотношение оценок ухудшения и улучшения ситуации составило 16:4%, в Кабардино-Балкарии — 27:10%, в Карачаево-Черкесии — 24:11%, в Ингушетии — 23:15%. Очевидно, люди здесь воспринимают снижение безопасности для жизни как главный фактор нарушения прав и свобод человека. Наконец, оценки жителей Чечни значительно более позитивные: 37% отмечают улучшение ситуации в области прав и свобод человека, 11% ухудшение и 35% считают, что ситуация за последние год-два не изменилась.

Один из главных источников опасности для жизни в северокавказских республиках — терроризм. Успешность или неуспешность власти в борьбе с терроризмом тесно коррелирует с представлениями людей о росте безопасности или опасности в их республике. За последние год-два общая оценка ситуации с терроризмом в регионе улучшилась: 34% опрошенных в среднем по всем республикам считают, что противодействие терроризму было успешным, 43% полагают, что положение не изменилось, и 18% уверены, что в борьбе с терроризмом ситуация ухудшилась. При этом ситуация в республиках значительно различается.

Хуже всего обстоят дела в Дагестане: 33% населения считает, что ситуация в области противодействия терроризму за последние год-два ухудшилась, 15% полагают, что она улучшилась, и 46% признают, что ситуация не изменилась. В Кабардино-Балкарии, где ситуация с безопасностью в последние два года ухудшилась, тем не менее люди отмечают значительные успехи в борьбе с терроризмом: 47% говорят об улучшении в противодействии терроризму, 20% — об ухудшении и 28% не видят изменений.

В Ингушетии респонденты отмечают значительный прогресс в борьбе с терроризмом: 35% видят успехи, 13% ухудшение ситуации и 48% считают, что ситуация не изменилась. Жители Карачаево-Черкесии и Северной Осетии также отмечают умеренные успехи в противодействии терроризму. Наконец в Чечне подавляющее большинство говорят об успешности в борьбе с терроризмом — 70% видят успехи в этой борьбе и только 4% — ухудшение ситуации. Результаты оценок сведены в рисунок 7.

Рисунок 7 – Ответы на вопрос: «За последние год-два ситуация улучшилась, не изменилась или ухудшилась в такой области, как противодействие терроризму?», %

За этими, в значительной степени специфичными для республик Северного Кавказа проблемами по степени важности в общественном мнении следуют социальные проблемы, типичные для России переходного периода: недостатки системы здравоохранения, образования, социального обеспечения, жилищная проблема.

Такая иерархия важности проблем в представлениях населения республик в основном совпадает с ожиданиями, требованиями к федеральным и региональным властям по их решению.

На фокус-группах и в глубинных интервью участники называли еще более обширный набор проблем, которые они считают важнейшими и решение которых они ждут от республиканских и федеральных властей.

«Где найти работу? Как устроить детей в садик... в школу как устроить? Какое они вообще получают образование, смотря на уровень теперешний вообще...»

Интересно, завтра мы увидимся или нет, потому что у нас такое сейчас... терроризм.

Наркомания очень беспокоит меня. В каждом подъезде шприцы валяются. Каждый второй студент анашу курит.

Коррупция. Это здесь сплошь и рядом.

Даже если есть рабочие места – низкая заработная плата» (Дагестан, младший возраст).

«В нашей республике такая проблема, связанная с экстремизмом. Постоянно какие-то операции проходят с ваххабизмом. Как какое-то скопление народа, какой-то звук, ой, что-то опять взорвали. Хочется просто спокойно жить. Немножко вот этот страх есть. Ваххабизм. Терроризм» (Дагестан, средний возраст).

«Вот то, что нам внедрились – ваххабизм, боевики, бандиты – это самая большая тема. Мы живем под страхом, у меня дети. Пока люди не будут чувствовать себя спокойно, никакие ни школы, ни больницы, ничего здесь не будет» (Ингушетия, старший возраст).

«Естественно, большая безработица, нехватка рабочих мест... люди готовы трудиться, готовы работать. И вот эти нехватки, вот эта неустроенность создает почву для следующего этапа: это террористическая угроза. Есть благодатная почва для этого... если человек не умеет работать, не имеет возможности нормально существовать, он ищет.... Вернее, ему ищут, и на этой почве сажают на негатив» (Ингушетия, эксперт).

«Главная проблема — власть. Все силы республики, все ее возможности в руках нескольких людей, которые сидят выше по должности. И люди не получают то сырье, не только природное, которое возможно иметь в республике и реализовать себя в этом, в этой же республике, а получают остатки и то, что подкидывают. Чтобы мы не взбунтовались» (СО, младший возраст).

«Человек не может обратиться в больницу и получить квалифицированную медицинскую помощь. Это самая больная тема» (Ингушетия, эксперт).

«Да у нас проблема на проблеме. В любой области проблемы. Мы все в проблемах сидим. Начнем с мелочи, вот я водитель, я не могу ездить спокойно ни по одной дороге — это раз. Я сельский житель, в селе 99% людей не работают, колхозы, совхозы закрыли — все, село вымерло. Вот они и живут, что выдают на том и живут» (КЧР, старший возраст).

«Главная массовая проблема — жилье. И ЖКХ. За последние 10 лет, а то и больше, не было понятия муниципальное, социальное жилье, ни один человек жилья не получил. Нет социального жилья» (КБР, эксперт).

Окончание материала в следующем номере журнала